

Наталья Генина

Наталья Генина

Немое время

НАТАЛИЯ ГЕНИНА

НЕМОЕ ВРЕМЯ

1972—2021

ImWerdenVerlag

Мюнхен, ММХХII

© Наталия Михайловна Генина, 2022

© Евгений Антоненков, обложка, 2022

© ImWerdenVerlag, 2022

ISBN 978-1-4716-1110-0

1.

Из книги «ПЯТЫЙ УГОЛ»

* * *

Судьба меня берегла:

дала четыре угла.

В беде меня не оставила:

пятый угол добавила.

Сижу в углу —

ворошу золу.

* * *

Нине Табидзе

Упругий звон да серый блеск...

А время-то идёт.

Не пилится упрямый лес —

из-под пилы растёт.

Его стволов не сокрушить,

пока — один за всех —

он защищает право жить

как самый смертный грех.

* * *

Тень фонаря спешит за мной,

и льнёт к плите плита,

и резок этот зимний зной.

Звезда восходит над звездой,

и вниз глядит звезда.

Сегодня утром здесь стоял,

вмерзая в снег, народ.

Безмолвный Выставочный зал

качается-плывет...

Дома бескровны и черны,

и сад огромный пуст.

Какие нынче видят сны

ценители искусств?

Уходит в прошлое уют,

в котором можно жить.

Что похоронки? — всё идут.

И страшно дверь открыть.

1980

* * *

Я найду эту землю, найду среди гор и лесов
и, поднявшись по лестнице — старой, живой, деревянной,
постучусь в эти двери, и гроздь чужих голосов
тёплым соком нальются, очнутся роднёй безымянной.

Что могу я? Куда меня улиц названья ведут?
Что ни имя — то свет, что ни имя — то слёзы и слёзы.
Пядь небесная, пёстрого счастья земного лоскут,
и пространства глоток — от поэзии лютой до прозы.

* * *

Ни слуху больше — и ни духу.

Где этот дом? Где этот дым?

Земля похожа на старуху

с тяжёлым локоном витым.

Лоза кренится, камни шепчут,

речную жизнь боготворя.

И неба раскалённый жемчуг

глаза мне застит. Здесь заря

всегда брала меня за горло

и диктовала зло: «Живи!»

И вновь — скалистый профиль гордый

замешан на речной крови.

Но только где тот дом далёкий?

Но где высокий, тёплый дым?

Тяжёлый взгляд, да сумрак блёклый,

да плач над именем твоим...

* * *

Ни шагом не солгать, ни жестом.

Пружинит — на ветру — туман.

В движении прямом и резком

не может прятаться обман.

Всё выше, выше... Тесный воздух

уже подвижен, разряжён.

И ветка высохшая — посох,

и небо с четырёх сторон.

Обрыв, раскатистый и зычный,

как продолжение пути.

И чувств простых косноязычие

живёт и требует: лети!

ИЗ ТЕДО БЕКИШВИЛИ

* * *

Чей грех,

как тень, со мною неразлучен?

Чей взгляд —

загадочный и неотвязный —

опутал ноги мне?

Что за отрава

в крови моей осела древней?

Чей урожай недобрый пожинаю —

каких далёких предков

и времён?

Я в прошлое гляжу —

наполненную мраком бездну —

и чувствую,

как постепенно дно восходит

и, мшистое, у ног моих ложится...

Но кто
отправится разыскивать
меня,
спустя тысячелетие?
Чью радость
своей бедой я заслоню?
Кого собью с пути,
на грешный путь ступая?

* * *

Стою —
смотрю,
как облако плывёт,
течением
относит
солнца круг,
и тень
перемещается,
живёт.
Дождём наполнен,
уплывает луг.

И день такой,
такая благодать,
и краски так прекрасны и щедры,
что — Боже! —
дай мне вечно простоять,
храня теченья тихие труды...

Перевод с грузинского

* * *

Не так уж плохо мне живётся:
есть дом, а в доме есть друзья.
Я крикну — эхо отзовется,
живой воды забьёт струя...
Не так уж плохо мне живётся
на дне глубокого колодца.

* * *

Двери хлопают, трубы гудят —
это быт, это улей без мёда,
это времени медленный чад,
это наша с тобой несвобода.

Три аршина. Четыре стены.
Лица близких, как сети, упруги.
Здесь, неволей родства сведены,
будут стариться дети и внуки.

Красноречия кухонный чад
никому здесь не кажется внове:
научились молчать — и молчат
обо всём, что нуждается в слове.

Заскрежещет будильник едва —
вспыхнет спичка, огонь засинеет...
Чем душа в это утро жива?
Рассказала бы, да не умеет...

* * *

На окнах облупилась краска.

Из были возникает сказка.

Душа, душою, о душе...

И таинству нужна огласка.

Крик обретает свой сюжет.

И звук за звуком без помарок

уже записан... В свой черёд

младенец за спиной орёт.

И прошлое, как перестарок,

зевком растягивает рот.

* * *

Григорию Левину

В застывшей реке затаился разлив.
Хранит голоса заревое затишье.
Костёр догорает у края земли —
спокойное пламя размеренно дышит.

И, если запеть на просторе таком,
дыхание станет свободней и глубже.
Теплея, волна отзовется легко
весенним, неясным намереньям стужи.

...Дорога скрипит, и плывут подо льдом
глубинные рыбы, и лунки чернеют.
Ведёрко возьмём и воды зачерпнём —
да губы коснуться её не посмеют.

* * *

И снова — только ночь вокруг.

Ни звука, ни огня...

Но вот — в окно тяжёлый стук

опять зовёт меня.

На улице черным-черно,

и в горле чёрный ком...

Лишь ветер всё стучит в окно

тяжёлым кулаком.

* * *

Мы друг другу ещё суждены,
наши встречи — ещё не преданье.

В тридешатую степень весны
мы возводим простое страданье.

Начиналась покоем снегов
эта ясная, властная смута.
Разве это спасение — кров,
где рожденье и гибель — минута?

* * *

Весна уходит не спеша.

Цветёт и дышит сад.

И жизнь просторна и свежа,

как много лет назад.

И облака живая тень

коснулась тёплых рук...

Высокий соловьиный день,

прозрачный гордый звук.

И там, где были мы с тобой,

с листвою ветер слит,

и одиночества настой

мне губы холодит.

* * *

Оковало стужею

тёплое жильё.

Говори, я слушаю,

думаю — своё.

Говори, я слушаю,

думаю о том,

что студёной стужею

потянуло в дом.

Что по щелям утлые

прячутся мечты.

Что на окнах лютые

зимние цветы.

Говори, я слушаю,

каждому — своё.

Шито-крыто стужею

слов твоих шитьё.

* * *

Ты недостойн моего страданья,
прощенья моего или суда.
И жажда речи пустотой молчанья
уже сменилась раз и навсегда.

И мне любовь твоя давно постыла.
Зачем же — близкий, нелюбимый, ты —
вся жизнь моя, и молодость, и сила —
вплоть до последней — болевой — черты?

* * *

Он не видит, что я гибну рядом,
он не видит, ничего не видит.
По лицу пройдёт цепким взглядом.
Хлопнет дверью, прочь из дома выйдет.

Затянулась петелька на горле —
затяну её ещё потуже.
Вот и всё. А говорили: горе.
Счастье хуже.

* * *

Взял со стола фотографию — выбросил прочь:
хватит глядеть на лицо, ненавистное мне!
То-то, жена дорогая и милая дочь,
скоро ль сгорите, любимые, в адском огне?

Все в одиночку погибнем... — Он плачет и ждёт.
Курево кончилось, целая ночь впереди.
Пусть хоть она, ненавистная, снова придёт, —
снова она — ненаглядная, как ни крути...

Б О Л Ь Н И Ц А

Кисло-сладкий слоёный запах
ходит-бродит на задних лапах,
открывает тугую дверь...
Что нам надо, чего мы ищем?
Вот — душа, вот — её жилище.
Как в норе, затаился зверь.

Заходите, гостите недолго.
Потемнело лицо и наволгло.
Стало ясно, чего хочу:
эту дверь распахнуть однажды.
Не бывало сильнее жажды.
А за всё — потом заплачу.

* * *

Живётся, всё ещё живётся.
Сосед не выдержит — проснётся
и треснет в стену кулаком.
И глухо небо отзовется,
и встанет звук, как в горле ком.
Тяжёлый, на дверях засов.
Скрипит и дышит половица.
И ночь высматривает лица,
всё говорящие — без слов.
А мы с тобой без них — никак:
всё в пустоту кричим, во мрак.
И силимся сказать такое,
что бесполезно говорить.
Мы немощны — и нечем крыть.
И время движется немое.

* * *

Никогда ни о чём не жалеть.

Эта клять для того, чтобы петь —
и сегодня, и завтра, и впродь.

Этот холод — чтоб душу согреть.

Птичий глаз не заметит зерна.

Прорастёт оно — будет весна.

* * *

Дочке Ане

Надо любить и беречь
эту морозную речь,
зыбких согласных изгибы,
эти густые снега,
гласных крутые бока,
прочные, сочные глыбы.

Кто там бездомен и сир?
Выстроен, выстрадан мир,
в коем и жить нам, и грезить.
Глянь — немота натекла,
словно густая смола
тысячелетья на срезе.

* * *

Мечты приливы и отливы,
неукротимый труд волны...
Недостижимостью мы живы,
невысказанностью сильны.

И Моцарта живая вьюга,
и глаз твоих прямая речь —
всё это только путь до звука,
которого нельзя извлечь.

2.

Из книги «ЧУГУННЫЙ ПАРУС»

* * *

В расщелину меж бытиём и бытом —
разлаженным, раздёрганным, разбитым,
в дыру озонную, заветную войти,
оскальзываясь в космосе открытом,
склоняясь над распластанным корытом,
понять: иного нет у нас пути.

Известно — где по плану остановка.
Стрелять неловко, но в руках винтовка.
И цокает небесная подковка,
и никого нельзя предостеречь.
И на ладони Божия коровка,
мычит — и в небо целится, плутовка.
Добытчик резвый, где твоя сноровка?
О чём бишь я? Да не о хлебе речь!

Где родина? И гнётся знак вопроса.
Так отнимают душу без наркоза.

Так рассуждают твёрдо и тверёзо,
покачиваясь, превращаясь в прах.
И просто всё, как во поле берёза.
Кобыле легче, если баба — с воза.
Щекочет ноздри вешний дух навоза,
и птица-тройка жмёт на всех парах.

Куда? Ну, не даёт она ответа.
Меня ссадили — езжу без билета.
Конец туннеля, а быть может, света.
И больше не захватывает дух.
А ночью вспомнишь: возлюби соседа, —
и любишь всех подряд в порядке бреда.
И не припомнишь Нового завета,
покуда трижды не споёт петух.

* * *

«О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!»

(«Слово о погибели земли Русской», XIII в.)

Варяги тут как тут. Привет Карамзину.

Закрою толстый том и радостно зевну.

О светло светлая!.. Порядка только нету.

Затем и разбрелись мы все по белу свету.

Назад оборотясь, вперёд мы будем плыть.

Кириллица в узде — не та отныне прыть.

Но всё ж не совладать с членистоногим юсом —

наш транспорт гужевой заходит в гавань юзом.

К далёким берегам причалила ладья.

Не воспарить душой чугунного литья,

гляди — оуклилась арбатская Психея,

всё озирается, всё спрашивает: «Где я?»

Тяжёлый медный ковш давно упал на дно.

Досадно. Между тем поднять-то холоднó,

и жажды сумрачной не утолить отныне.

О светло светлая!.. Настал черёд латыни.

И новый гулкий звук — напрасный приворот —

приблизится, взлетит — и в воздухе замрёт,

когда скривит губу матрешка расписная.

Как долго мы росли, о будущем не зная.

* * *

Перевожу на славянский тоску с санскрита,
самый последний грош за душою прячу.
Всё отпираю дверь, что давно открыта,
связкой ключей гремлю и беззвучно плачу.

Что я ищу? Не веру, а может статься,
только её предгорье, её предтечу.
Сколько можно доверчиво улыбаться?
Сколько можно лицо открывать навстречу?

Нет, ничего, увы, не стерпит бумага.
Чиркну спичкой — руки над ней согрею.
Я, всесильная, сделать не в силах шага.
Я, бесстрашная, глаз приоткрыть не смею.

Перевожу с беспамятства и молчанья,
перевожу со всех языков на свете —
на бессмысленный, грешный язык отчаянья,
за который я вечно буду в ответе.

* * *

Живу — пока не надоест
(не выдаст Бог, свинья не съест),
пока река глядит окрест
и выгнута дугой.

Охота к перемене мест —
Норд-Ост зовёт или Зюйд-Вест.
Я смастерю в один присест
чугунный парус свой.

Пространство так искривлено —
взлетая, падаешь на дно.
А там и тихо и темно,
и некуда спешить.
И мне бы радоваться, но —
луны холодное пятно
мне светит, как в глазу бревно,
и больно ворожить.

* * *

Клиенты известной палаты,
за всё мы ответим с лихвой,
и в бронежилетах солдаты
дадут нам и хлеб, и покой.

Вдова себя высечет снова —
и все облегчённо вздохнут,
ведь пряника нету иного,
чем сладкий карающий кнут.

Милее обители нету,
чем эта разруха и мрак.
Так что же мы рыщем по свету,
как стаи бездомных собак?..

* * *

И вновь — повсюду постояльцы —

мы у ворот высоких ждём.

Сочится, как вода сквозь пальцы,

душа и шепчет о своём:

ещё, мол, вывезет кривая,

и нас услышат и поймут.

Но заперты ворота рая.

И к нам с ключами не идут.

Д Е К А Б Р Ъ

1.

Тяжёлый сумрак, лужи и простуда.

Сырые, не горят в печи дрова.

Мы то и дело в ожиданье чуда
по милости сусальной Рождества.

Сквозь плотный сумрак ёлочных базаров,
сквозь тернии — к звёздам гаснущим летим.

Багровый отблеск будущих пожаров
мы видеть не хотим.

2.

И дремлет жизнь, как пыль под лавкой,
и за окошком снежный ком
растёт, и льдиной тугоплавкой
лежит рассвет под языком.

За всё воздастся нам сторицей,
и всё окупится с лихвой.

И звёзды Рождества с корицей
засветятся над головой.

* * *

Чужой язык — насилье над судьбою,

когда перевалило ей за сорок.

И каждый звук уже дается с бою,

одолевая бессловесный морок.

Прими его и ни на что не сетуй.

Молчание? Оно для нас не ново.

Кати, кати, колёсико, по свету,

лети, лети, несказанное слово.

* * *

Остановиться, и нагнуться,
и ключевой воды напиться...
Не успеваешь оглянуться,
как пьёшь из козьего копытца.

Молчи теперь. Ведёт стезя
туда, где слов найти нельзя.
Куда ж смотрела ты, сестрица?

* * *

Звук времени, бегущего по песку.

И маятник не разгоняет тоску

(серые шторы колышутся в доме напротив),

а раскачивается — от виска к виску.

Здесь все как один встают по свистку,

и на всех площадях — с открытым ртом Паваротти.

В сытых дворах накрыты большие столы,

они достойны всяческой похвалы,

но что там за ними — не видно и не понятно.

Выйдешь из дома — и напрямик до Москвы.

В переулке рассыпчатом, цвета халвы,

движутся тени — туда и обратно.

* * *

Пустырь. Вот куст чернеет, раздет-разут,
и рыжие мусоровозы ползут, пусты.
Мы всё ещё живы, мы всё ещё тут как тут,
но скоро исчезнем бесследно и я, и ты.

Соседи по жизни, мы будем накоротке
друг с другом вести бессмысленный разговор.
Вечносолёный крендель держа в руке,
тень знакомая пересекает двор.

Мгновение — и зашумят пивные сады,
и двинутся — строй за строем — полчища роз.
Пора откупиться от всех, замести следы
и заснуть спокойно — без просыпу и всерьёз.

* * *

Очертанья жизни резки.

Кот висит на занавеске,

оттопыривая ус,

и поёт — вошёл во вкус.

Очертанья жизни скудны,

и желания подспудны.

Океан ушёл в песок —

еле слышен голосок.

Шёпот, робкое дыханье —

вот награда за старанье.

И щебечет соловьём

кот усатый день за днём.

* * *

Деревня Мюнхен. Первый снег.

Живу, не поднимая век,
но все-таки живу, покуда
рыдает кот, гремит посуда.

Жизнь истончилась до предела.

Скажи, ты этого хотела?

Скажи, ты этого ждала?

Дойти до сути, до угла —

до пятого...

* * *

Ничего меня не учит.

Крѐз копеечку канючит

среди бела дня.

Всяк приручит и замучит,

камень мне на горб навьючит —

кровная родня.

Каждый крыльями лопочет —

то ли кречет, то ли кочет.

Дует кот в усы —

когти об меня заточит

всякий раз, когда захочет

ломтик колбасы.

* * *

Свинцовый отблеск, медный свет...

Терпи, покуда сил достанет,
покуда в поднебесье тянет —
уводит — этот лёгкий след.

Терпи, тебе ещё зачтётся,
любой по силам станет крест.
Из чаши пей — в один присест —
до дна — и небо отзовется.

ИЗ ЦИКЛА « ПТИЦА ПЕГАС »

1.

Пока мы живы, нас никто не слышит.

След на снегу крестом привычно вышит,
небесное раскрылось шапито.

Известно всем, что правды нет и выше,
и что там наварили нувориши,
они нам не доложат ни за что.

За стайей стая — небо разомлело.

И непонятно: где душа, где тело.

И даже если будешь щебетать
причудливо, бездарно, неумело,
о воздух спотыкаясь то и дело,
не выйдет повернуть с арены вспять.

И зрители в беспалые ладони
захлопают, и голос твой потонет

в сугробах и под купол не взлетит.
В благообразном пряничном притоне,
в тяжёлой позолоченной попоне,
как ни крути — а дышится навзрыд.

2.

Придайте форме форму формы
любой бессмысленной ценой.
Сады искусства иллюзорны,
бесплодны на земле больной.

Кто там ваяет оголтело
и в глину всаживает нож?
Напрасно душу ищет тело,
напрасно правду ищет ложь.

Придайте форме форму формы,
чтоб встал столбом словесный дым.
Чего не видели в упор мы,
того вдали не разглядим.

3.

Простор хвалёных нечистот
лесов, полей и рек венозных.
Словесный собирай помёт,
жук-скарабей в размывах слёзных.

В хитиновой попоне лет,
в тупом сизифовом горенье
всё катит тучный шар поэт,
всё пишется стихотворенье.

4.

Вот в коридоре чья-то голова
стоит и не мечтает ни о чём.
Она давно забыла все слова,
она не в силах вспомнить, что почём.

Какой-то друг степей её ваял,
поглядывая сонно на часы.
И взгляд её бесцветный тих и вял,
и нет в нем Божьей трепетной росы.

Она кричит, открыв беззвучно рот.
Заразна и бесстыдна, как болезнь,
к искусству тяга. И невпроворот
голов, провозглашающих: «Аз есмь!»

5.

В сосредоточенном угаре
творят, как дышат, божьи твари.
Кто резвой ножкой ножку бьёт,
кто словом по душе скребёт,
кто над палитрой пламенеет —
и всяк бессмертен, как умеет.

6.

На что уменье складывать слова —
к чему она, привычная морока,
когда земля уже почти мертва?
Гляди, как молча полегла трава
до срока...
Разбежались слова, разлетелись звуки,
затаил дыханье бесцветный ветер...

Главный скульптор вымыл грязные руки
и полотенцем мохнатым вытер.

7.

Сумрак слова.

В поте лица

трудится пряжа.

Рядом

стою и бубню:

«Нить случайно не оборви!

Дай, ещё поживу,

тобой люблюсь!»

Она усмехается:

«Ишь, чего захотела! —

В этом сумраке

всё равно ничего не видать...»

8.

Птица-Сирин, что ты вьёшься

над моею головой?

Всё никак не распоёшься —
только скрежет, только вой.

Я заслушаюсь, застыну,
да не след стоять столбом.
Посох в руки, горб — на спину,
о немую землю — лбом.

9.

Так рыба прядает ушами,
остервенело бьёт копытом,
когда со дна встаёт цунами.
Так примечание петитом
поведает в притворстве ловком
о том, что ночь за ночью снится,
и обернётся заголовком,
вползая тихо на страницу,
легко в силки свои заманит,
как будто нет пути иного.
Так правда прячется в обмане,
на свет выманивая слово.

10.

Плывёт против течения
щепка под парусами —
кончается день,
тает холодное солнце под языком,
тягучее солнце,
ментоловый всплеск.
Громкий сиреневый запах,
грохот пространства.
Бесмысленно петь и кричать —
никто не услышит.

11.

Искусство — это такая штука,
когда ты становишься частью звука,
когда ты от слова живешь до слова —
и больше нет ничего святого.

---

* * *

Теперь я буду жить, не зная,
ты на земле или в земле.
Органа дудочка резная,
и звук летит навеселе.
Войдѣшь — и гулкий шаг немеет,
в притворе не видать ни зги.
Душа молиться не умеет,
просить не смеет: помоги!
Страна чужая, как страница,
где письма не разберѣшь.
Здесь пропадѣшь, как говорится,
вот так, за здорово живѣшь.
Жмѣт органист на все педали:
басы, что звери взаперти,
режут — и разом вдруг устали,
и нет ни звука впереди.
А поле тишины глубоко,
на нём ещё — ни борозды.
Оно молчит в руках у Бога —
как ты...

* * *

Чужая страсть и чужая речь,
повсюду причудливая родня.
Вряд ли игра моя стоит свеч —
вечно бумага ищет огня.

За бесконечной китайской стеной
воздух натянут, как тетива.
Сплю, накрывая лицо простынёй, —
никто не подумает, что жива.

* * *

Твой голос слышен через три границы —
в нём гулкий ветер и гортанный гром.
Высокий сумрак ночи накренится —
и вспыхнет степь, и хлынет напролом.

Скажи, куда нас вывезла кривая?
Закончилась арбатская Москва.
Пишу тебе, за правду принимая
далёкий отзвук близкого родства.

* * *

Дом затих, неподвижен.

Знала ведь, кто обивает пороги и ждёт,

когда долгожданный ключ

задвигается в замке.

Праздновала одиночество ночи,

бесплотную кротость дня,

надвигая платок на глаза.

Боялась холодного сна,

окаменевшей тишины,

безропотного покоя.

Жду. Ни шороха. Пусто в груди.

* * *

То ли плачет, то ли спит,
то ли сказку говорит,
всё равно, как ни таится,
получается навзрыд.
Даже если пьян и сыт,
даже если битым бит, —
над землёю, будто птица,
впереди себя летит.

* * *

Чтобы мужа ублажать,
надо сеять, а не жать,
по разомкнутому кругу
надо радостно бежать.

На кого взвалить вину?
Я подкову не согну.
За ближайший угол дома
быстрым шагом заверну.

Потому что я слаба,
потому что не судьба
стать одной из тех немногих,
у которых два горба.

Я-то знаю: поделом,
будет пусто за углом.
Дом немецкий, довоенный
предназначен был на слом.

Не во сне, а наяву
в этом доме я живу,
где берёза у калитки
цедит солнце сквозь листву.

* * *

Возвращается к исходу
жизнь — усталая вода...
Обжигаясь, дуй на воду,
повторяя: никогда...
Потому что между делом
замолить нельзя грехи.
Белым я пишу — на белом
мёртвом зеркале реки.

Здесь, в непознанном раю,
где ныряют хором в «Prosit!»*,
где течением относит
тень привычную мою, —
глянешь в зеркало кривое
белозубой той воды —
и привидится живое,
ясное лицо беды.

---

* тост, здравица (нем.)

* * *

Мне то холодно рядом с тобою, то жарко —
пригодилась молодка с душой перестарка,
пригласила, небось: погости!

На меня не покрикивай, я не кухарка.

По дорогам постылого летнего парка
можно лишь в никуда увести.

Как покорно овечка бредёт за тобою,
оперённая шерстью своей голубою,
что мгновенье — и дыбом встаёт.

Я и вправду, наверно, немного стою.

Гуси-лебеди вновь пронеслись над водою.

Видишь — ночь, видишь — озера лёд.

* * *

Я люблю простые лица
шерстяных своих соседей —
от виверровых до кунных,
от енотов до медведей.

Я люблю хвосты и лапы,
когти я люблю и пасти.
Лишь они всегда достойны
восхищения и страсти.

* * *

Сочельник —

жизнь сочится по капле.

В сотый раз

наступаю на те же грабли.

Запоминаю, как звать

человека, шагнувшего за порог.

Проступает опять между строк

эта плоть, эта кровь.

Как знать,

может, и голоса нет у меня давно,

и вовсе не я кричу,

тяжело уходя на дно —

спать.

* * *

Ничего не понимаю —
что за судорожный вдох?
Даром голову ломаю —
всё об стенку да горох.

Никогда мне не ответят —
до краёв полны свинца —
те глаза, что мне не светят
на лице, где нет лица.

* * *

Какое счастье — я одна.

Мне снится этот сон убогий.

Меж нами — чёрная стена,

меж нами — неба спуск пологий.

Там ангел больше не летит.

Парит орёл, а может решка.

И Бог с высот своих глядит,

и на губах его усмешка.

С О Н

Чушь какая-то собачья:

голова на шее бычьей.

Я дала обет безбрачья —

есть у нас такой обычай.

Птичка Божья утром кычет

и глаза стальные пучит.

Если мне кричать приспичит,

пусть она меня научит:

распахнёт свой клюв, как двери,

и поможет мне, невежде.

Да воздастся всем по вере,

по любви и по надежде!

* * *

Это было, было уже стократ.

Все, кого любила, рядом стоят.

Ни на шаг не отходят, за горло берут —
всяк пригож, бессмертен и нравом крут.

Эти лица, ясные голоса...

Находит на камень моя коса,
находит тень моя на плетень —
всё боком, боком да набекрень.

* * *

Ухожу в пустоту.

Не в эту, так в ту.

Не вверх, так вниз —

ни границ, ни виз.

Ни друзей, ни врагов,

ни молчанья, ни слов.

Ни ночи, ни дня.

Ни тебя, ни меня.

* * *

Там хорошо, где нет
ни нас, ни вас, ни их.

Там хорошо, где свет
не жгут от сих до сих,

где, на руку не скор
и на слово не скуп,
ты не бежишь, как вор,
едва коснувшись губ,

где я себе не лгу,
тебе не лгу — вдвойне,
где гасну на бегу,
но смерти нет во мне.

* * *

Ане

Ни ответа, ни привета,
и мобильник отключён...
Мчится Лета, вьётся Лета —
всякий сущий будь прощён.

Приоткрылась дверь туда, где
только свет и тишина.

Спой мне песню: в каждом такте —
звонкий камушек со дна.

* * *

Прекрасно остаток жизни ютиться в слове.

Стило всегда наготове

нырнуть в никуда.

Душа без стыда

выворачивается наизнанку

(это, конечно, портит её осанку).

На пепельном фоне атомной бури —

дыхания неземной ветерок.

Всё бы крылатой восторженной дуре

парить между строк,

покуда они не сомкнутся,

как застёжка-молния над головой.

Никак до небес не дотянуться,

милый ты мой.

* * *

Алёне Фрадиной

Куда мы денемся с тобой
в чужом и нищем балагане?
Там неба нет над головой,
земли не сыщешь под ногами.
Мы приравняли смех к слезам,
мы этим тождеством богаты.
Взлетел на воздух наш Сезам.
Постой, остановись, куда ты?
Неужто в вакуумный плен,
всосавший души без остатка?
Под мертвой маской перемен
видна звериная повадка.

* * *

Мы устали от смерти чужой,
от чужого бессмертья,
мы истлели душой
в непосильном труде милосердья.
Не слышать покаянных речей,
наши боги сервильны.
Пересохший ручей
перейти мы, как прежде, бессильны.

* * *

На рассвете, когда лица ещё темны,
во лбу прорастает третий глаз.

И я, виноватая без вины,
прощаю того, кто меня не спас.

Он беспечен, будто глухарь на току.

Бесшумно вламывается конвой.

Передвигаются по потолку

серые тени вниз головой.

* * *

Душа моя летит,

весёлая на вид.

Торопится душа,

надкрыльями шурша.

Летит, как майский жук,

через цветущий луг.

3.

Из книги «ДЕРЕВЯННАЯ КОЛЫБЕЛЬ»

* * *

Зима прикинулась весной.

Откуда этот липкий зной

и лепет птичий?

Воротишься к себе домой,

откроешь дверь в барак чумной:

— Где Беатриче?

* * *

Эта вечная бочка грохочет над нами,
и потоки воды, а не кровь под ногами.
Видно, вправду, сегодня еще не конец.
Не сегодня нам в сердце загонят свинец.

Эта зыбкая жизнь — за беспечность расплата.
Бесконечен период полураспада,
где над нами сгущается мрак проливной.
Нелюбимый, нелюбящий, — плачь надо мной!

* * *

В кофейной лавке шарф куплю,

покуда нет войны и мора.

В ответ услышу: «Не люблю

твои причуды, Айседора».

Осенний выцветший рассвет

дохнул из недр иконостаса.

Гляди-ка, жизнь сошла на нет

в преддверье Яблочного Спаса.

Удушье, ладан, западня,

в руках — разменная монета.

Прости меня, спаси меня —

перед концом и тьмы, и света!

* * *

У каждого свои скрижали.
Что мы не сеяли, то жали —
спасибо дедам и отцам.
Уверовал сверчок запечный
в державный мир пятиконечный,
привык Емеля к чудесам.

Но рухнула постройка века,
где всё — на благо человека,
как калий цианид в крови.
Куда ты делась, честь и совесть?
Так беспощадна эта повесть:
читай — и в три ручья реви.

Но мы недолго горевали —
назад дорожку протоптали
и на врагов пошли стеной.
И каждый стал герой героем:
«Мы наш, мы новый мир построим
в бревенчатой избе курной».

Вернулись мы к своим пенатам,
где обитает буйный атом
и процветает мирный яд.
Как дым отечества клубится!
Летит степная кобылица —
летит, куда глаза глядят.

* * *

Этот всхлип, этот вой, этот скрежет...

Как сорока сидит на колу —

та, что всех и поймёт и утешит,

та, которая плачет в углу,

в одиночестве мыкая горе,

завывая, как ветер в трубе.

А соседи в глухом коридоре

о судьбе шелестят, о судьбе...

* * *

Свой шаг сбивая набекрень,
надсаживая слух и зренье,
цеди по капле мутный день,
выхаживай стихотворенье.

Его рифмованный недуг
неизлечим, и зоркий звук
всё понимает: ты интригу
загнал под землю — ловкость рук.
Зачем ты, обернувшись вдруг,
не спас когда-то Эвридику?

* * *

Смех, переходящий в плач,

круглый, как яйцо...

Избавитель и палач —

на одно лицо.

Как положено, в яйце

спрятана игла.

Что там, жизнь, в твоём конце?

Я не помню зла.

И распахнуто окно,

и летит стена.

А душе не всё ль равно,

если спасена.

* * *

Твой герой хорош на вид,
и всему-то он учён,
даровит и плодовит,
и не помнит ни о чём.

Он приветлив, хамоват,
вечно голоден и сыт,
и сам чёрт ему не брат,
он на ниточке висит.

Глянь, выделяет па:
как пройдётся на руках —
благодарная толпа
только вскрикивает «ах»!

Вот и лопнули тяжи:
и в окошко он, и в дверь.
Ты держи его, держи,
да не верь ему, не верь!

* * *

Не гаси этот яркий,
нестерпимый огонь.
Ни единой помарки
в нашей жизни не тронь.

Вот уж горе, так горе —
погибаю и проч.
Не гаси в коридоре
свет, горевший всю ночь.

* * *

Над землю густеет дым.

На руке темнеет ожог.

Чтобы время стало ручным,
на запястье надень ремешок.

Не спеши, я скоро уйду.

Ты меня не гони, не тронь.

Из каких пустот в пустоту
исчезает ручной огонь?

П Л Я С О В А Я

Говорит мне: «У *неё* есть душа».

Ну а мне-то что — живу не дыша.

Ну а мне-то что — живу без души.

Он мне зеркало несёт: «Подыши!»

ПАСТОРАЛЬ

Невозможного ждала —
стала тонкою игла,
стала лёгкою свирель,
и тяжёлой колыбель.

Я над нею всё пою —
птица глупая в раю.

* * *

Вот и нам пришла пора —

улетаем прочь.

Между «завтра» и «вчера» —

только ночь и ночь.

Оживает трупный яд

на конце пера.

Завтра будет, говорят,

лучше, чем вчера.

* * *

Деревянная кровать:

мягко стелим — жёстко спать.

Приходи к нам, тётя лошадь,

бабку с дедкой покачать.

Покачала — и ушла...

Задышала в поле мгла.

В деревянной колыбели

еле теплится зола.

* * *

Заходит ночь — и заполняет дом,
поёт мне половицей о былом,
застывшем в пыльном воздухе. Не надо
настаивать на жизни, что ушла.

Пусть сумрака горячая смола
вольётся в кровь живую — вот награда.

Здесь нет и не бывало никого.

Пусть всё вокруг, что без тебя мертво,
из этого не делает секрета.

А времени пустоты велики,
как расстоянье до твоей реки.

Поставим точку в середине лета.

* * *

До свиданья, друг сердечный,
не надейся на авось.

Видишь, в темноте увечной
всё, что было, не сбылось.

Не надейся, не обманет
никакой на свете свет.

Заблудились мы в тумане —
видишь, нас с тобою нет.

До свиданья, друг любезный —
вот и весь, как видно, сказ.

Дом качается над бездной.
Но без нас уже. Без нас.

* * *

Мы в разлуке с тобой преуспели.
Мало помнили — много хотели,
а теперь и забыли совсем,
как нам пели осины и ели,
следом птицы — лесные свирели —
продолжали любую из тем.

Да и мы не молчали, покуда
не явилось на свет из-под спуда
безнадёжно слежавшихся лет
это пламя — для речи остуда.
Нелегка бессловесная смута,
для которой названия нет.

* * *

Не видать берегов, как своих ушей,
океана тишайшего не переплыть.
Ты суровую ниткой мой рот зашей,
чтобы мне, как вода эта, тихой быть.

Затаилась жизнь, вся ушла в песок —
от земных щедрот поспешила прочь.
Ты глядишь на запад, я — на восток,
ты живёшь, как день, — я живу, как ночь.

* * *

Не горит огонь в окне,
не поёт в печи,
но живёт еще во мне —
слушай и молчи.

Не исчез он, не погас
от тебя вдали —
всё растёт за часом час,
как трава в пыли.

* * *

Стало светло и легко.

Каждый нашёл, что искал.

Остановись далеко —

ближе никто не стоял.

Жизнь мне отмеряй и взвесь,

и не ходи по пятам.

Если не встретимся *здесь*,

значит увидимся *там*.

* * *

Откроешь дверь, а там НИКТО —

вот наказание за то,

что плоть отделена от духа.

Ложусь на голую скамью

и колыбельную пою,

но в музыке царит разруха.

Пятнистый проскрипит паркет,

чей это — через годы — след?

Куда исчезли те, кто были?

Но стол с бумагами молчит,

вербальный исчерпав лимит,

и прогибается от пыли.

* * *

«Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!»

Юрий Левитанский

И снова день идёт на убыль,
и мы уходим вместе с ним,
не успевая сделать дубль
и смыть не успевая грим.

Я знаю, близится развязка.
Постой, я следом за тобой,
как чёрная глухая краска —
за голубой.

* * *

На пряничном пиру и смерть красна.

Погаснет свет в аплодисментах зала.

Я ухожу. Играй, не зная сна,

чужую жизнь, когда своей не стало.

Ты снова на подмостках тут как тут,

и жадный зал застыл перед тобою.

Еще немного — занавес дадут.

Но что же там, за вечной пустотою?

* * *

Я, небожитель-самозванец,
хочу земле пропеть осанну:
мне ни к лицу небесный глянец,
мне высота не по карману.
И зуб неймёт, хоть видит око:
внизу распластана столица.
Горит небесная дорога,
летит небесная страница.
Покуда я её читаю,
за словом слово, год за годом,
пилот, оставив солнце с краю,
уже садится полным ходом.
Предбанник города прозрачный,
и пенье пепельного неба,
и бомж московский, молью траченный,
закусывает коркой хлеба.

Изображая без побряжки
давно забытые картины,
приветствую многоэтажки
и жизни прожитой руины,
где в памяти, в глубокой яме,
таится ясная угроза,
где в смертоносной амальгаме
живут поэзия и проза,
где холодок бежит за ворот, —
опять, как видно, повезло мне:
опять спускаюсь в этот город
дышать в мешке каменоломни.
Я понимаю: бесполезно
с наскока прошлого касаться —
и под ногами снова бездна,
и так легко в неё сорваться.

* * *

Он гол остался, как сокол,
и жизнь его не мёд —
в такую реку от вошёл,
в такой водоворот.

Он по земле ходить отвык,
споткнулся — и пропал.
Он променял лицо на лик —
и угодил в астрал.

Небесный ветреный пловец
покинул балаган,
чтобы пасти своих овец
в угоду облакам.

* * *

Там, где дом возведен против всяких правил,
где тебя навещает апостол Павел,
где ни эллина, ни иудея нет,
только трын-трава да не ближний свет.

Там, где горы твои и твои долины,
корабли плывут, выгибая спины,
и на лодке Харон — по твоей реке —
налегке плывёт еще, налегке.

* * *

По крыше моей застучал молоток.

Потом на нее посыпались комья земли.

А я-то думала, что жива.

* * *

Куда ушла душа?
Куда она пропала?
За нею ни гроша,
а ей и горя мало.

Пора в небесный скит —
воздастся всем с лихвою.
Гляди, душа летит,
как гусь над головою.

* * *

Зарешеченный вагон.

Огнедышащий закон.

— Кто не с той ноги хромает,
тот наносит всем урон!

Так вещает царь зверей —
голосистый воробей,
змея летучий, зверь могучий,
птица сумрачных кровей.

* * *

Давай с тобою спляшем
в чумном бараке нашем —
не век же слёзы лить,
остановись, мгновенье!
...Лишь ветра дуновенье
качнёт паучью нить.

Не пляшется, гляди-ка:
от мала до велика
все замерли — и ждут,
пойдет ли брат на брата.
Уже близка расплата,
и пляски не спасут.

* * *

Землетрясенье в Турции. У нас
пока что тихо. Но не ровен час...
Не стоит продолжать. Покой нам снится.
Журавль — в небе, а в руках — синица.
(Отныне я даю себе зарок
всё главное оставить между строк.)
Раскрашенное жаркое светило
за край холста заходит, чтобы с тыла
ударить на прощанье. А покой
всё ближе, вот уже — подать рукой.

* * *

Лирический компот
сварили мы на славу.
Уже который год
мы эту пьем отраву.

Пиши, мой друг, пиши,
как я, о всяком вздоре —
в отеческой глуши,
на сумрачном просторе.

* * *

Декабрь. Заколосился новый год
на ниве неживой, от крови влажной.
Возрадовался в правоте сермяжной
и мишурой зашелестел народ.

Опять надежды в воздухе парят,
преодолев земное тяготенье.
И ёлка, не отбрасывая тени,
горит-сверкает с головы до пят.

* * *

Густая ночь колышится, как зыбка,
и зреет за ошибкою ошибка,
и нет решенья у простых задач.
Вольно ж тебе прислуживать без страха
тому, кто платит по счетам с размаха —
с налёта — по щекам — и плачь не плачь.

Здесь бредит зной, и в тесноте убогой
растёт сорняк, но ты его не трогай:
он выгнет спину и оскалит пасть.
А может быть, стена и есть дорога —
всё вверх и вверх? В преддверии итога
карабкайся — да так, чтоб не упасть.

* * *

Все победы свои я отнесла

на счет поражения.

На лодке моей не хватило весла

в момент погруженья.

А там, в глубине,

дышать хорошо и привольно —

в придуманной кем-то стране,

где больше не больно.

* * *

Пустеет поле жизни. Тишь да гладь.
Оглобли поворачивает вспять
слепой возница, чародей бескрылый.
Над бесконечной братскою могилой —
там, на сырой фанере октября,
чернеет лес, но, правду говоря,
не тянет под его крутые своды.
Уже понятно, что там впереди.
Постой, бескрылый ангел, погоди —
скажи, неужто нет иной свободы?

* * *

В конце концов, какое дело
вам до меня, а мне до вас?
Душа легко покинет тело,
с него не спустит зорких глаз.

А вы, надменные потомки,
махните мне платочком вслед:
Пегас, взлетая, рвёт постромки,
а я гоню велосипед.

* * *

Постойте!

Никогда не говорите: это неправда!

Может быть, я последний из могикан,
которого прикололи булавкой к странице.

Погодите,

я умею летать против ветра.

В конце концов,

это моё право,

я так хочу.

Но только не смотрите мне в спину,

когда я, открывая лицо, иду вам навстречу.

* * *

Я Бога ждала. Он пришёл и сказал:
«Поедем сегодня с тобой на вокзал.
На сборы даю тебе четверть часа.
Любая дорога ведёт в небеса».

* * *

Песнь песней перед закатом.

Зачем ты стараешься,

сидя на ветке,

глядя на колченогий город?

Роняешь перо за пером —

уже написана книга книг.

4.

Из книги «ОБЛОМКИ»

* * *

Протестуй, душа и разум:
жизнь накрылась медным тазом.
Оказалось, медный таз —
это всё, что есть у нас.

* * *

Вот колокольчик, дар Валдая,
на люстре кухонной висит,
и муха, мимо пролетая,
так утомительно жужжит.
А я под люстрою сижу
и не летаю, не жужжу.

* * *

Корова паслась на цветущем лугу
и громко вздыхала на каждом шагу,
вздыхала и слёзы роняла —
наверно, стихи сочиняла:

«О, как мне коровою быть нелегко!
Как трудно давать по утрам молоко —
нужна в этом деле сноровка...
Зачем я не божья коровка?»

* * *

У меня комар живёт.
Он танцует и поёт.
А когда он отдыхает,
непрерывно что-то пьёт.
Догадаться так легко:
пьёт парное молоко!

* * *

Такая явь приснится —
попробуй добудиться!

* * *

Эй, открой свои глаза!
Рядом сладко спит гюрза.

* * *

Поэтесса
выпала из процесса —
бурного,
литературного.

* * *

Парнас
не про нас.

* * *

Соль земли проступила
на лбу огурца —
он задумался в бочке:
«Может, я Диоген?»

* * *

Невозможно выпить кряду
двадцать пять бутылок яду,
потому что этот яд
слишком сладкий, говорят.

* * *

Тише, Танечка, не плачь:
этот дядя не палач!

* * *

А у Тани и у Веры
обе мамы — изуверы.

* * *

Скарабей мой, скарабей,
голосистый скарабей!

* * *

Завизжали тормоза:
были «против» — стали «за».

* * *

Новые стены —
старые стоны.

* * *

У любителей позитива
всё прямо идёт, а не криво,
всё прямо идёт и прямо —
туда, где чернеет яма.

* * *

Родила —
на смерть обрекла.

* * *

Окна в сад.
Это рай или ад?

* * *

Нас земля держать не хочет,
вздрагнет — и как захохочет.

* * *

Хорошо нам в этом доме:
кто в безумии, кто в коме.

* * *

В угоду своему народу
с сатиры перейдём на оду.

* * *

Муха цеце
изменилась в лице.

* * *

Театр жизни
раздвинул занавес.
Пой и пляши,
когда вокруг не души.

* * *

Что творится в этом мире:
дважды два опять четыре!

* * *

Куда ведут следы?

От счастья — до беды.

* * *

На маленьком плоту

летим мы в пустоту

по чёрной по реке

с фонариком в руке.

* * *

От колыбели до погоста

добраться оказалось просто.

* * *

Я заснуть боюсь:

а вдруг себе приснюсь?!

* * *

Выпьем в Скайпе,
где же кружка?

* * *

И — крыльями взмахнула бойко...
Кряхтит, взлетая, птица-тройка.

* * *

Вот и Оруэлл пришел —
накрывать пора на стол.

* * *

— Свобода — это миф! —
кричал с горы Сизиф.

* * *

Перед тем, как в землю лечь,
надо что-нибудь испечь.

* * *

Коррупционер —
всем ребятам пример.

* * *

С какого бодуна
опять пришла весна?

* * *

Если родина зовёт,
дружно пятимся вперёд.

* * *

У меня зачесалась репа —
прорастает духовная скрепа.

* * *

Спокойно, без паники!
Мы на «Титанике».

* * *

Так спокойно на душе,
как при караблекруше...

Содержание

Из книги «ПЯТЫЙ УГОЛ»

«Судьба меня берегла...»	5
«Упругий звон да серый блеск...»	6
«Тень фонаря спешит за мной...»	7
«Я найду эту землю, найду среди гор и лесов...»	8
«Ни слуху больше — и ни духу...»	9
«Ни шагом не солгать, ни жестом...»	10

ИЗ ТЕДО БЕКИШВИЛИ

«Чей грех, как тень, со мною неразлучен?...»	11
«Стою — смотрю, как облако плывёт...»	12
«Не так уж плохо мне живётся...»	14
«Двери хлопают, трубы гудят...»	15
«На окнах облупилась краска...»	16

«В застывшей реке затаился разлив...»	17
«И снова — только ночь вокруг...»	18
«Мы друг другу ещё суждены...»	19
«Весна уходит не спеша...»	20
«Оковало стужею тёплое жильё...»	21
«Ты недостойн моего страданья...»	22
«Он не видит, что я гибну рядом...»	23
«Взял со стола фотографию — выбросил прочь...»	24
БОЛЬНИЦА	25
«Живётся, всё ещё живётся...»	26
«Никогда ни о чём не жалеть...»	27
«Надо любить и беречь эту морозную речь...»	28
«Мечты приливы и отливы...»	29

Из книги «ЧУГУННЫЙ ПАРУС»

«В расщелину меж бытиём и бытом...»	33
«Варяги тут как тут. Привет Карамзину...»	35
«Перевожу на славянский тоску с санскрита...»	37
«Живу — пока не надоест...»	38

«И вновь — повсюду постояльцы...»	40
ДЕКАБРЬ	41
«Чужой язык — насилие над судьбою...»	42
«Остановиться, и нагнуться...»	43
«Звук времени, бегущего по песку...»	44
«Пустырь. Вот куст чернеет, раздет-разут...»	45
«Очертанья жизни резки...»	46
«Деревня Мюнхен. Первый снег...»	47
«Ничего меня не учит...»	48
«Свинцовый отблеск, медный свет...»	49
ИЗ ЦИКЛА «ПТИЦА ПЕГАС»	
«Пока мы живы, нас никто не слышит...»	50
«Придайте форме форму формы...»	51
«Простор хвалёных нечистот...»	52
«Вот в коридоре чья-то голова...»	52
«В сосредоточенном угаре...»	53
«На что уменье складывать слова...»	53
«Сумрак слова. В поте лица трудится пряжа...»	54
«Птица-Сирин, что ты вьёшься...»	54
«Так рыба прядает ушами...»	55

«Плывёт против течения...»	56
«Искусство — это такая штука...»	56
«Теперь я буду жить, не зная...»	57
«Чужая страсть и чужая речь...»	58
«Твой голос слышен через три границы...»	59
«Дом затих, неподвижен...»	60
«То ли плачет, то ли спит...»	61
«Чтобы мужа ублажать...»	62
«Возвращается к исходу...»	64
«Мне то холодно рядом с тобою, то жарко...»	65
«Я люблю простые лица...»	66
«Сочельник — жизнь сочится по капле...»	67
«Ничего не понимаю...»	68
«Какое счастье — я одна...»	69
СОН	70
«Это было, было уже стократ...»	71
«Ухожу в пустоту...»	72
«Там хорошо, где нет...»	73
«Ни ответа, ни привета...»	74
«Прекрасно остаток жизни ютиться в слове...»	75

«Куда мы денемся с тобой...»	76
«Мы устали от смерти чужой...»	77
«На рассвете, когда лица ещё темны...»	78
«Душа моя летит, весёлая на вид...»	79

Из книги «ДЕРЕВЯННАЯ КОЛЫБЕЛЬ»

«Зима прикинулась весной...»	83
«Эта вечная бочка грохочет над нами...»	84
«В кофейной лавке шарф куплю...»	85
«У каждого свои скрижали...»	86
«Этот всхлип, этот вой, этот скрежет...»	88
«Свой шаг сбивая набекрень...»	89
«Смех, переходящий в плач...»	90
«Твой герой хорош на вид...»	91
«Не гаси этот яркий...»	92
«Над землю густеет дым...»	93
ПЛЯСОВАЯ	94
ПАСТОРАЛЬ	95
«Вот и нам пришла пора...»	96

«Деревянная кровать...»	97
«Заходит ночь — и заполняет дом...»	98
«До свиданья, друг сердечный...»	99
«Мы в разлуке с тобой преуспели...»	100
«Не видать берегов, как своих ушей...»	101
«Не горит огонь в окне...»	102
«Стало светло и легко...»	103
«Откроешь дверь, а там НИКТО...»	104
«И снова день идёт на убыль...»	105
«На пряничном пиру и смерть красна...»	106
«Я, небожитель-самозванец...»	107
«Он гол остался, как сокол...»	109
«Там, где дом возведен против всяких правил...»	110
«По крыше моей застучал молоток...»	111
«Куда ушла душа?...»	112
«Зарешеченный вагон...»	113
«Давай с тобою спляшем...»	114
«Землетрясение в Турции. У нас...»	115
«Лирический компот сварили мы на славу...»	116
«Декабрь. Заколосился новый год...»	117

«Густая ночь колышится, как зыбка...»	118
«Все победы свои я отнесла...»	119
«Пустеет поле жизни. Тишь да гладь...»	120
«В конце концов, какое дело...»	121
«Постойте! Никогда не говорите: это неправда!..»	122
«Я Бога ждала. Он пришёл и сказал...»	123
«Песнь песней перед закатом...»	124
Из книги «ОБЛОМКИ»	125

Наталья Генина – поэт истинный. Голос её негромок, но твёрд. Работает она вполне сознательно в классической традиции от Тютчева до Ахматовой. Умение формулировать свои эмоции, умение сохранять достоинство в самых драматических условиях невольно внушают уважение к её лирической героине. Одним словом, она мастер вполне

достойный того, чтобы стихи её знали самые широкие круги любителей поэзии.

18.2.92.

Менандер

Фазиль Искандер

Наталья Генина относится к тем поэтам, на личном счету которых уже не одна книга стихов. Однако книги эти всё еще не знакомы с типографским шрифтом. Стихи давно вступили в пору зрелости, но не могут вырваться из тесных ящиков письменного стола. и первая книга вдруг начинает напоминать «Избранное». Н. Генина – давно сложившийся поэт со своим голосом и своей позицией. Читателю известны её прекрасные переводы из грузинских поэтов, собственные же её стихи по-настоящему ещё предстоит открыть.

Николай Панченко

Н. Панченко,
член Правления изд-ва "Советский писатель"

Николай Панченко

München, ImWerdenVerlag, MMXXII
<https://imwerden.de>

